

Сравнить Северную Ци и Южную Цин?

Эта тема была немного чувствительной: с одной стороны, нельзя было принижать престиж своей страны, будучи её послом, а с другой — проявить неуважение к Северной Ци тоже было недопустимо. Но Фань Сянь ответил легко и непринуждённо, словно начал думать над этим вопросом ещё в утробе матери; сказал уверенно и аргументировано, мощно и быстро. От этого, казалось бы, на вечно спокойном лице Хайтан проявился гнев, а император широко раскрыл рот, демонстрируя белые, отлично ухоженные зубы.

Фань Сянь с тёплой улыбкой охватил ладонью свой кулак в знак уважения и сказал лишь одну фразу:

— Иностранному чиновнику это неизвестно.

Иностранный чиновник, конечно, хорош. Император сначала замер от удивления, а потом расхохотался: эти слова были настолько нахальными, что он не знал, как отчитать Фань Сяня за них. В конце концов, так называемому «иностранному чиновнику» должна быть хорошо знакома своя страна, но откуда ему знать о чужой, поэтому разве он может сравнить?

Император посмотрел на Фань Сяня и с улыбкой покачал головой:

— Только сегодня обнаружил, что бессмертный поэт эпохи, которым я так восхищался, оказывается, ещё и отличный спорщик — не зря император Южной Цин назначил тебя главным послом.

Фань Сянь улыбнулся и ответил:

— Иностранный чиновник получил должность не так давно, и император отправил меня сюда в основном потому, что восхищается достижениями культуры Северной Ци. У меня в этой области тоже есть скромные достижения, поэтому он хотел, чтобы я здесь расширил кругозор.

Император улыбнулся и сказал:

— Имя бессмертного поэта известно и у нас. Я, конечно, позволю студентам Тайсюэ прийти послушать твою лекцию.

Фань Сянь расстроился, подумав, что даже на родине ему не нужно проводить уроки в Тайсюэ и он только номинально зовётся наставником — как же случилось, что, приехав в Северную Ци, он вдруг стал приглашённым лектором?

— Если я отправлюсь с походом на юг, то каковы, по-твоему, мои шансы на успех?

Лицо юного императора было безмятежным, но он с рождения воспитывался во дворце, и ощущение величия, исходящее от него, никуда не делось. Такой бестактный и нахальный вопрос во всей Поднебесной сейчас могли задать только два человека. Но спрашивали сейчас посла государства-противника; кроме всего прочего, в этом был определённый интерес, и прозвучало это как гром среди ясного неба.

Однако выражение на лице Фань Сяня ни капли не изменилось, он спокойно ответил:

— Без шансов.

— Почему? — Опирающийся на перила государь холодно глянул на Фань Сяня.

— Люди в Ци не хотят воевать, обязательно потерпят поражение, — улыбаясь, сказал Фань Сянь. — В Цин многие хорошо воюют, силы обязательно истощатся. Среди двух государей один амбициозен, другой хочет сохранить страну: хорошо, что с обеих сторон установилось равновесие.

Император вдруг спросил:

— А всё же, что за человек ваш император Цин? Я успел обменяться с ним парой личных писем, но так и не понял, каков он.

Фань Сянь про себя уже клял всех на свете: «Я всё же чиновник Цин, вашу маму, а вы тут во что играете, что за вопросы?» Но в итоге просто промолчал. Император Северной Ци, увидев его мину, напротив, рассмеялся и тихо сказал:

— Придёт время, и твой император постареет, а я возмужаю. В будущем, когда я дам волю лошадям и приду на юг с походом, надеюсь, сановник Фань в моём дворце станет придворным поэтом.

Фань Сянь нахмурился и с достоинством ответил:

— Если ваше величество придёт на юг гостем, то иностранный чиновник сочинит для вас поздравительный стих.

Оба использовали фразу «прийти на юг», но значения были совершенно разные. Император Ци, конечно, говорил о военном походе, чтобы подчинить государство Цин; Фань Сянь же, упоминая о том, чтобы прийти гостем, конечно, имел в виду стать «гостем» в тюрьме.

Несмотря на различия во мнениях, Фань Сянь внешне был совершенно спокоен и в душе тоже не переживал, лишь думал про себя, что этот молодой государь, как и ожидалось, человек с великими устремлениями. Но невольно перед лицом Фань Сяня он выболтал лишнее. Неизвестно, то ли проговорился по молодости, то ли изначально не считал Фань Сяня

серьёзным противником и хотел своими речами впечатлить и переманить на сторону императорского двора Ци.

Государь внезапно нахмурился, и на его лице проявилась лёгкая грусть; непонятно, о чём он подумал, но потом император слегка махнул рукой и сказал:

— В столице сейчас мир и покой, однако между двумя государствами всегда было много непониманий, и я боюсь, что есть люди, задумавшие навредить сановнику Фаню. Хотя далеко они, конечно, зайти не посмеют, но, боюсь, провокаций не избежать. Не откажите мне в любезности, проявите терпение и стойкость.

Фань Сянь очень удивился, но не содержанию сказанного, а тому, что в голосе и на лице у государя присутствовало искреннее беспокойство. Как ни посмотри, Фань Сянь не обладал такой уж большой ценностью, чтобы владыка государства считал его настолько важным. Совсем неясно было, почему он так сильно приглянулся молодому государю.

— Я немного утомился, сановник Фань, вам пора уходить. — Император слегка похлопал рукой по перилам, повернул голову и посмотрел на Хайтан, которая всё это время молчала: — Тётушка, проводите, пожалуйста, господина Фаня до выхода из дворца, чтобы он не заблудился. Если в эти дни кто-то поведёт себя с послами из Южной Цин грубо, то прошу вас сказать своё веское слово.

Одного слова Хайтан, конечно, было бы достаточно, чтобы охладить пыл оголтелых патриотов и удержать их в рамках учтивости.

Хайтан слегка поклонилась и ответила:

— Слушаюсь.

Фань Сянь вскинул бровь и подумал, не значит ли это, что теперь ему придётся часто видаться с этой девушкой-мастером девятого уровня? Даже непонятно, считать это поворотом удачным или неудачным.

Государь вдруг с улыбкой сказал:

— Я слышал, что молодой господин Фань больше не пишет стихов, это меня несколько расстроило.

Фань Сянь горько улыбнулся:

— Прошу ваше величество меня простить. Стихи — это голос души, последнее время много тревог, не в состоянии писать, не в состоянии.

Император вскинул бровь — то ли с улыбкой, то ли нет, — глянул на Фань Сянь и сказал:

— Даже если стихи рождаются от чувств, при виде глупого меня, Фань Сянь, у тебя, конечно же, не возникает никакого желания сочинить стих.

Лицо Фань Сяня всё покрылось потом.

Император вдруг громко рассмеялся:

— Однако вчера вдовствующая императрица дала мне прочитать небольшой стих: «Но знаешь ли ты, знаешь, что, должно быть, хоть зелена листва, опал уже весь цвет». Фань Сянь, как и ожидалось, очень талантлив.

Фань Сяню стало очень неудобно, а Хайтан — ещё неудобнее.

Фань Сянь вслед за Хайтан вышел из беседки, и по уединённой тропинке они направились в сторону дворцовых строений насыщенно-чёрного цвета. В горной беседке остался в молчании стоять молодой государь Северной Ци. На его лице уже не было оживления от интересной беседы, но на губах осталась едва заметная улыбка. Государь внезапно прикрыл глаза, пару раз глубоко вдохнул и обнаружил, что, кажется, и правда ощутил то умиротворение, что как-то почувствовал здесь в уединении, смотря на луну.

За его спиной слышались шаги — император знал, что это пришли евнухи, чтобы прислуживать ему. Слегка недовольно он махнул рукой, чтобы они не заходили в беседку, и ещё какое-то время в одиночестве стоял на краю горной беседки, о чём-то размышляя.

Потом он наконец вдруг вздохнул и тихо сказал сам себе:

— Вот, оказывается, как выглядит Фань Сянь. Лили, должно быть, уже прибыла?

В другой стороне Фань Сянь молча и напряжённо следовал за Хайтан на выход из дворца. По дороге у него совершенно не было настроения любоваться пейзажем и наслаждаться ветерком. Он лишь с задумчивым видом слегка улыбался и самодовольно сохранял дистанцию с этой чудесной девушкой.

Следуя сзади, он мог хорошо разглядеть особенности походки Хайтан.

На каждый шаг она делала три покачивания, но это были вовсе не виляния телом девушки, стремящейся завлечь мужчину, а покачивания донельзя деревенские. Она засунула обе руки в карманы своей одежды из грубой ткани; верхняя часть её тела почти совсем не раскачивалась, в то время как в нижней стопа тянула за собой бедро. Такая походка выглядела в высшей степени ленивой, и вовсе не в смысле томной неги красавицы сразу после принятия ванны.

Фань Сянь, прищурившись, долго наблюдал за этим, но так и не смог понять, что это за способ ходить такой. Неужели она, даже когда идёт по дороге, непрерывно тренирует мастерство естественности? Фань Сянь сразу сильно зауважал её за это. Он всегда был уверен, что он в этом мире самый прилежный в плане тренировки боевых искусств. Дважды в день утром и вечером он непременно тренировался; начиная с Даньчжоу, он никогда не прерывался, но ему и в голову никогда не приходило, что можно тренироваться прямо во время ходьбы.

Неудивительно, что эта девушка в таком юном возрасте уже мастер девятого уровня, а он сам затратил столько сил и лишь только-только достиг девятого уровня. Ничего удивительного, что люди в Северной Ци считают её тяньмай, а сам он смог заполучить статус известной всему миру персоны, лишь бесстыдно полагаясь на стихи. Неудивительно, что этой девушке достаточно лишь легонько взмахнуть рукой, как ему уже приходится ползать по земле, как собаке! Ничего удивительного, что после того, как он израсходовал все иглы с афродизиаксом, ей просто хватило посидеть в озёрной воде, а потом лишь непринуждённо взмахнуть рукавом и уйти, вовсе не придавая ему никакой значимости, считая ниже своего достоинства ненавидеть его за это.

Фань Сянь немного помолчал, а потом подумал, что из известных ему талантов такого уровня, кто бы так ревностно тренировался, должно быть, только У Чжу мог сравниться с ней, а сам он, пожалуй, далеко позади.

Он рассматривал её походку очень долго, и, похоже, Хайтан почувствовала, что его горячий взгляд постоянно направлен на её зад. Наконец она не выдержала и молча оглянулась, чтобы так же молча посмотреть Фань Сяню в глаза, словно желая состругать с его лица красивую оболочку и обнажить его подлинную подлую натуру.

Однако взгляд Фань Сяня был чистым, в нём не было и намёка на непристойные мысли. Увидев, что она повернулась, он немного изумился, но, поняв, о чём она подумала, с горькой улыбкой сказал:

— Просто я наблюдал за грациозной походкой и решил, что это способ тренироваться. Я просто преклоняюсь.

Он изумился, а Хайтан изумилась ещё сильнее; она приоткрыла рот, смотря на этого юношу из государства Цин, и в сердце немного смутилась. Она с рождения жила если не в горах, то во

дворце, по характеру всегда была спокойной, как скала, но по какой-то непонятной причине, когда она смотрела на отвратительно прекрасное лицо Фань Сяня, слушала его несурзные речи, то невольно раздражалась. В этот раз, услышав его ещё более удивительные слова, она долго молчала, успокаиваясь, и только потом односложно ответила:

— Это не тренировка.

После этого Хайтан снова удивилась уже самой себе: с чего бы ей вдруг объяснять что-то ему?

Поэтому она немного сердито сказала:

— Я так с детства хожу. Вдовствующая императрица уже много лет мне за это выговаривает, но я так ничего и не поменяла. Если господину Фаню это мозолит глаза, то можете пойти спереди.

Фань Сянь замер, про себя подумав, что это вдруг за дела? И просто тоскливо пошёл вслед за Хайтан дальше.

Но Хайтан продолжила всё так же расслабленно идти впереди, покачиваясь, и держать руки в карманах.

Фань Сянь слегка наклонил голову набок, нахмурился и долго приглядывался, а потом вдруг понял, в чём дело. Какая же это тренировка? Так обычно лениво расхаживают деревенские бабы.

Как только он подумал, что величественный мастер девятого уровня Хайтан, которая в глазах людей подобна бессмертной небожительнице, на самом деле до мозга костей деревенщина и расхаживает по дворцу точно так же, как шла бы по какому-нибудь полю, Фань Сянь наконец не выдержал и громко рассмеялся.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3267814>